

ИСТОРИЯ ГРЕЙС

1

МЕНЯ ЗОВУТ ГРЕЙС

Иногда я ложусь на кровать, закрываю глаза и представляю начало своей жизни. Я вижу сперматозоид, который быстрее прочих движется к маточным трубам. Он пробивается вперед, размахивая хвостиком, достигает яйцеклетки, к которой стремятся все, и проникает в нее сквозь плазматическую мембрану. И тогда, после оплодотворения, появляюсь я. У меня нет ни глаз, ни рта, ни рук и ног, но я уже существую.

Существую с одной целью.

Многие мои знакомые задаются вопросами: почему появились на свет, в чем заключается их предназначение и есть ли смысл в жизни? Мне не приходилось думать об этом, ведь моя задача была ясна с самого начала — как у травы, которая растет, чтобы стать кормом для стада, или у пчел, что заняты опылением. Поэтому с детства, когда меня просили рассказать о себе или написать о семье, я всегда начинала так:

Меня зовут Грейс Питерсон, и я родилась, чтобы спасти свою сестру.

Дедушка говорил, что я родилась в плаще супергероини. Фиолетовом, конечно же. Он развевался за моей спиной,

хотя никто его не видел, даже акушерка, которая первой взяла меня на руки. Разумеется, пусть я, едва родившись, разрыдалась во всю мощь легких, всех интересовало лишь одно: бесценная пуповина, полная крови, из которой можно извлечь стволовые клетки и пересадить их Люси, чтобы спасти от миелобластного лейкоза, диагностированного за полтора года до этого.

Когда я росла, почти не думала об этом, но теперь понимаю: обстоятельства породили между нами глубокую связь, даже несмотря на то, что мы не могли бы быть более разными. Моя сестра вела себя мило, и все подмечали ее искреннюю и заразительную улыбку. Врачи обожали ее, мама обращалась к ней не иначе как «солнышко мое», и, когда здоровье позволяло ей ходить на уроки, подруги были готовы ради нее на что угодно.

— Сияй, Люси, — заверял папа, — ты как самая яркая звезда.

И кто не хочет, чтобы его сравнивали с солнцем и лунной, созвездиями и прекрасными бесконечными галактиками?

Конечно же, я.

Я всегда скорее походила на черную дыру: никто меня особо не понимал, хотя в теории любое явление объяснимо, — и я стала загадкой даже для самой себя; казалось, мое гравитационное поле не давало улететь ни одной частице.

Так что, в отличие от лучезарной Люси, мне, чтобы улыбнуться, нужно было приложить усилия.

— У меня губы как из плотного картона, — призналась я как-то бабушке.

И он, укрыв меня одеялом, ответил:

— Ты знаешь, что картон становится мягче, если капнуть на него воды? Попробуй и посмотри, что получится, Грейс.

Стыдно признаться, что я никогда и не пыталась. Но на то есть причины: наш мир не слишком дружелюбен.

Я воспринимаю жизнь не как праздничную прогулку, а как путь по каменистой дороге, полный боли, несправедливости, болезней и лишений.

Это я и сказала Люси после одной из бессонных снежных ночей. Она встала на рассвете, чтобы попить воды. Наши комнаты находились напротив, и поэтому контраст бросался в глаза: ее одеяло было розовым, мое — лиловым; она все еще хранила детские игрушки, а я давно отнесла свои на чердак; на стенах у нее висели картины в пастельных тонах, а у меня — работы Вивиан Майер* и стикеры со словами, которые не выходили из головы.

— Люси, я не понимаю эту жизнь.

— Что ты имеешь в виду?

— Она переоценена.

Она поставила стакан на мою прикроватную тумбочку, и я подвинулась, освобождая место. Руки Люси были холодными. Я едва различала ее силуэт в темноте, но все же видела светлые волосы, разметавшиеся по подушке, бледную кожу, синяки под глазами, опухшее от лекарств лицо и — вопреки этому — тощие, как у фламинго, ноги.

— Возможно, проблема в том, что ты пытаешься «понять» жизнь. Но это же не загадка, над которой нужно ломать голову, Грейс. Поверь мне, я не раз думала об этом. Часто представляла жизнь как игру, но это отстой, потому что у тебя нет ни инструкции, ни тактики и все сводится лишь к тому, чтобы бросать кубик и смотреть, сколько очков выпадет.

Люси обожала настольные игры. И этому было объяснение: больница стала для нее вторым домом; чтобы

* Вивиан Майер (1926–2009) — американский фотограф, одна из самых известных представительниц уличной фотографии XX века. При жизни почти не публиковала свои работы, а мировую известность получила уже после смерти, когда был обнаружен ее огромный архив из более чем 100 тысяч негативов. Сегодня ее фотографии считаются классикой жанра.

не заскучать, Люси коротала дни с колодой карт или за новым подаренным набором. И хотя вся семья могла составить достойную конкуренцию, равных ей не было.

— У меня очень хорошая память и много времени на размышления, — повторяла она, когда я спрашивала, как ей удалось предугадать все мои ходы в очередной игре. Вместо ответа я всего лишь снова расставляла фишки.

Отделить Люси от ее болезни было все равно что восстановить смешанные краски. Они существовали неразрывно, пусть каждая пыталась взять верх: иногда весна выигрывала битву, и тогда Люси сияла еще долго, но рано или поздно возвращалась зима.

— Ты должна была выздороветь, — говорил папа.

И технически она это сделала. Выздоровела. Но несколько месяцев спустя у нее развилась РТПХ, реакция «трансплантат против хозяина». Или, другими словами, серьезное осложнение после аллогенной трансплантации, которое привело к неустанной борьбе моих клеток с иммунной системой Люси. Ей начали давать кортикостероиды и иммуносупрессоры, чтобы избежать отторжения трансплантата, но в итоге произошло обратное: иммунитет оказался настолько ослаблен, что она постоянно заражалась — от пневмонии до бесконечных инфекций мочевых путей.

Когда об этом говорили, я представляла кучку извивающихся червей.

Но самое удивительное — Люси, несмотря ни на что, не злилась на мир. И чем смиреннее она принимала болезнь, тем сильнее меня это тревожило. Я вновь и вновь задавалась главнейшим вопросом: почему? Дедушка говорит, что быстро понял, насколько важной для меня станет эта проблема, ведь я слишком бурно переживала период, когда дети спрашивают обо всем.

Почему нельзя создать новый цвет?

Почему пятна у коров черные, а не фиолетовые?

Почему у всех мальчишек в классе короткие волосы?

Почему корнионы так называются?

Почему вода в море соленая?

На самом деле в моей комнате до сих пор висит первый стикер, на котором я написала всего одно слово — «ПОЧЕМУ?». Все остальные сменяли друг друга на протяжении лет: одно время я с ума сходила от слова «кокетливый», а в другое не могла не думать о красоте, которую таили в себе «флердоранж», «скарабей» или «бугенвиллея». Моя стена как змея, которая время от времени сбрасывает кожу.

Однако главный вопрос так и остался на своем месте. Неважно, сколько времени прошло: он пережил и дожди, и мороз, и жару. Его нельзя снимать.

«Почему Люси больна?»

Кто-нибудь скажет:

— Да просто потому что. Такова жизнь. Мир бессмыслен и хаотичен, в нем нет ни правил, ни статистики, которые были бы удобны. Поэтому прекрати думать об этом, сорви этот чертов стикер с чертовой стены и прими случившееся, как сделали остальные.

Но я — это я, упрямая, как и всегда.

Это предназначено? Есть какой-то секретный код для каждого из нас в этой огромной вселенной, такой же запутанный, как сама ДНК? Мы сможем изменить собственную судьбу, если узнаем, что ждет нас в будущем? Или, вероятно, некто божественный решает, что двухлетняя девочка должна столкнуться с онкологией, стать жертвой наводнения или умереть от голода или другого несчастья?

Однажды мама рассказала мне, с чего все началось. Точечные кровоизлияния. На маленьком животе Люси появилось множество красноватых пятнышек, и после они превратились в гематомы.

— Ты упала?

— Нет, — повторяла Люси.

— Кто-то толкнул тебя в парке?

И она снова качала головой. И только после очередного посещения педиатра оказалась в больнице для обследования.

Заболевание диагностировали быстро. Так же быстро начали химиотерапию. И затем — мое триумфальное появление на свет с надеждой на те самые стволовые клетки.

Но счастье длилось недолго.

Оглядываясь в прошлое, я думаю, что выросла в заброшенном дворце, от которого остались лишь руины.

Мои родители работали в одной компании и познакомились на корпоративе. Этот период я представляю как бал в роскошном зале с люстрой и обоями с витиеватым цветочным узором; в центре танцуют мои родители: он всегда был очень привлекательным (так поговаривали соседки и мамыны подруги), а она — очень умной. Вместе они смотрелись идеально. После свадьбы устраивали барбекю на заднем дворе и считались «интересной парой». А по-моему, это лучший комплимент — быть интересным.

Оба были агентами по недвижимости.

Папа покорял покупателей отзывчивостью, идеальной белоснежной улыбкой, уверенными жестами и очарованием в стиле пятидесятых, которое давалось ему безо всяких усилий.

Но она была гораздо лучше. Маму прозвали Рози-акула. Клиенты в ее руках были словно добыча в когтях хищника. Она могла подобрать жилье каждому потенциальному покупателю. Умудрялась продать дома-развалины, дома с дурной, почти мистической славой и даже парочку тех, в которых были совершены убийства. Два года подряд ее провозглашали лучшим агентом штата, и она всегда сияла на городских рождественских приемах.

С рождением Люси Питерсоны стали идеальной семьей. До тех пор, пока в их будни не ворвалось слово «онкология» и по стенам дворца не пошли первые трещины. Когда на свет появилась я, ущерб был уже почти

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

